УДК 821.161.1.09-3

ТРАДИЦИИ Н.В. ГОГОЛЯ В МАЛОЙ ПРОЗЕ В.Я. ШИШКОВА

П.С. Громова

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Традиции русской классической литературы, в частности творчества Н.В. Гоголя, рассматриваются в аспекте осмысления и творческой интерпретации В.Я. Шишкова. В статье обращается внимание на близость произведений В.Я. Шишкова традициям русского романтизма.
Ключевые слова: *русская проза XX века, традиции русской прозы, романтизм, Н.В. Гоголь, В.Я. Шишков.*

Невозможно рассматривать творчество В.Я. Шишкова (1873–1945) вне контекста эпохи: оно особенно ценно и интересно в свете нового, только-только становящегося советского мира со всеми его противоречиями, достоинствами и недостатками. Эта эпоха проникнута духом отрицания классического литературного наследия, идеями «сбросить с корабля современности» авторов, чье происхождение и идейно-эстетические воззрения не соответствовали представлениям о советском писателе. Такие идеи на фоне общественного подъема, преобразовательского энтузиазма и патриотического пафоса по-своему объяснимы и понятны. Тем не менее, художественная практика писателей этого периода оказывается очень разнообразной и существенно выходит за рамки методологических доктрин, произведения свидетельствует не только о непрерывности литературной традиции, но и об активном обращении к классическому наследию. Поэтика и проблематика классической литературы XIX столетия стала основой литературы века XX, а идеи русского романтизма оказались далеко не чужды молодым советским писателям.

Произведения Шишкова в полной мере подтверждают это. Так, на близость его прозы к образцам лучшей русской романтической поэзии указывает С.Ю. Николаева: «Неоромантические тенденции, обращение к художественным открытиям классического романтизма интенсивно проявили себя в литературе Серебряного века. В.Я. Шишков наработал такой творческий опыт в рассказах и повестях 1910-х гг., но не отказался от него и в 1920-е гг., углубив диалог с поэтами-романтиками в своих крупных эпических произведениях» [6, с. 63]. Внимание к национальной истории и фольклору, к особенностям яркого, образного, выразительного народного языка, проблемы национального характера в аспекте его исторического становления и развития в переломную эпоху, вопросы морали и нравственности, глубокие размышления о духовности и историческом пути России объединяют авторов таких разных, казалось бы, эпох. Отрицанию классического наследия противоречил сам творческий метод писателя – духовный реализм, то есть «особый реализм с элементами романтизма, глубоким психологизмом, религиозно-философским осмыслением бытия и патриотической направленностью» [7, с. 10]. В связи с этим представляется интересным сопоставить творчество В.Я. Шишкова и Н.В. Гоголя – писателя с очень сложной, прихотливой духовной и творческой эволюцией, в произведениях

которого отразился широчайший спектр литературных и философских тенденций середины XIX века.

Рассказы Шишкова можно разделить на две большие тематические группы. В первую входят таежные рассказы, написанные не только в 1913–1914 гг., когда писатель работал на строительстве Чуйского тракта и других шоссейных и водных путей Сибири, но и в последующие годы. Ко второй группе относятся шутейные рассказы, написанные в основном в первой половине 20-х гг. Провести черту, строго разделяющую таежные и шутейные рассказы Шишкова, нельзя: их сближает проблематика, а также внимание к народному характеру, быту, нравам и верованиям, ценностям и нравственным приоритетам. Вместе они служат цельной основой более поздних и более крупных произведений Шишкова. Однако, перекликаясь идейно, рассказы значительно различаются поэтикой. Рисуют они все же разные миры и соотносятся с различными сторонами литературной традиции Гоголя.

Таежные рассказы Шишкова сближаются с «Вечерами на хуторе близ Диканьки» и «Миргородом» Гоголя. Близость эта проявляется на художественно-методологическом уровне ведения повествования, а также в создании ярких, колоритных образов. Во многом она обусловлена спецификой самого материала, довольно экзотичного, особенно актуального в свете литературных и публицистических тенденций 1910–1920-х гг., обусловленных социальными преобразованиями. Однако это не отменяет глубоко осмысленной творческой преемственности.

Так, «цикл повестей Н. В. Гоголя наполнен ликующим ощущением радости, гармонии бытия, что характеризует романтическое мироощущение. В духе раннего романтизма даны у Гоголя, в частности, описания природы, которая заставляет “застыть” перед ней в благоговейном восторге, восхищаясь ее величием, мощью и животворящими возможностями. Природа у Гоголя “живой”, могучий, одухотворенный организм, полный сил и грандиозных творческих возможностей, что соответствует раннеромантическим воззрениям» [5, с. 24]. Шишков, утверждая непреходящую красоту и ценность природы, также обращается к характерным именно для романтизма идеям и приемам создания пейзажа. Как и Гоголь в ранний период творчества, он воссоздает цельный, по-первобытному синкретичный мир и образы людей, близких к природе и наделенных глубоко мифологическим мироощущением. Да и сама природа в таежных рассказах Шишкова предстает по-гоголевски одухотворенной, полной тайной творящейся жизни. «Эвон ты куда взобрался, месяц-батюшка, в какую высь. <Обращается к небесному светилу Степан, герой рассказа «Алые сугробы»>. Поди и деревню нашу видишь? Известно. Вот и скажи, крикни – нашим-то, ведь рот у тебя, и глаза, и нос… <…> Так все чередком, брат, и обскажи… Могилкам тоже посвети, батюшке с матушкой» [8, с. 182]. Эти строки перекликаются с началом «Ночи перед Рождеством»: «Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа» [2, с. 201]. А начало рассказа «Журавли» во многом отсылает нас к широко известному фрагменту об украинской ночи из повести «Майская ночь, или Утопленница»: «Ах и ночи бывают ранней осенью – задумчивые, мудро-грустные. Крепко спят живыми снами осиротевшие леса, нивы, луга, воздух. Но земля еще не остыла, в небе стоят звезды, и через широкую реку протянулся зыбкий лунный мост. На средине реки большая отмель, и через голубоватый полумрак слышны долетающие оттуда странные крики журавлей» [8, с. 142]. В этих и многих других рассказах мы можем обнаружить глубоко поэтические образы природы, близкие лирическим пейзажам в произведениях Гоголя.

Исследователями творчества Шишкова подчеркивается цельность воссоздаваемого писателем природного мира, его одухотворенность и гармоничность. К этому следует добавить, что природа в прозе Шишкова, прежде всего в таежных рассказах, выступает и как мера человеческого достоинства, как воплощение законов самой жизни. Согласно этим порой жестоким, но неизменно справедливым законам, следуя внутренним космическим ритмам природного мира, живут и чувствуют герои. Многих из них охватывает иррациональное, подлинно романтическое томление – как героев рассказов Шишкова «Колдовской цветок» или «Алые сугробы». В рассказе «Алые сугробы» можно увидеть завуалированную символику революции (он может быть прочитан иносказательно, как притча). Но Петр и Афоня ищут не только лучшей судьбы для своего «мира» – односельчан, которым на старом месте «смерть», и не только новой, доброй, родящей земли. Они идут прежде всего за мечтой, детской сказкой и сакральным преданием одновременно – на поиски таинственного Беловодья. На этом пути неизбежны споры, конфликты, трагедии. В этом отношении Петра и Афоню можно сравнить с братьями Остапом и Андрием («Тарас Бульба» Гоголя), судьбы которых также складывались в сложную, драматичную эпоху.

Кроме особенностей создания пейзажей, Гоголя и Шишкова сближает изображение потустороннего мира и его обитателей, поскольку в этом отношении писатели также следуют одной романтической традиции, а именно – принципам романтического двоемирия. Персонажи рассказов и повестей «существуют одновременно и в реальном, и в фантастическом мире. Реальные ипостаси этих персонажей окутаны нарочитыми таинственными недомолвками, а фантастические, напротив, обытовлены» [4, с. 211].

Романтическая диалектическая двойственность мира, не противоречащая представлениям о нем как о целостности, в некоторых рассказах Шишкова выражена особенно ярко. Так, в рассказе-сказке «Колдовской цветок» к людям в жилище будто бы врывается нечто потустороннее: «Возле зимовки вдруг послышался скрип снега, <…> и тихий, надвигающийся из тайги разговор… да, голоса… говорят медленно, тихим распевом, много голосов. Все ближе, ближе. <…> И вдруг тут, среди нас, застонало, завыло, загайкало, дверь рванули – дверь настежь. Ворвалось, ввалилось что-то безликое, все в белом, крутануло, плюнуло, разметало весь костер, холодом глаза залепило, заухало…» [8, с. 100–101]. Когда герои выходят из жилища, тайга спокойна, но тропа к зимовью занесена. И все произошедшее может быть трактовано и как явление нечистой силы, и как необычное, но вполне естественное погодное явление, которое наделило мистическим ореолом разыгравшееся воображение героев. Так же в рассказах «Таежный волк» и «Алчность»: происходящие события могут быть лишь стечением обстоятельств, но они складываются таким образом, что злодеи наказываются, а справедливость торжествует, и герои верят, что это потусторонние, природные силы помогли им. Подобного рода дуализм, недосказанность и возможность различного понимания произошедшего – романтическая черта рассказов Шишкова.

Мир Диканьки – замкнутый, хотя огромный и многомерный. Объектом писательского внимания Шишкова является открытая и более динамичная действительность. В этот мир уже проникли советские реалии, но они еще не разрушили его, и с представлениями о «декрете» и «браке» сосуществует глубочайшая вера в потусторонние силы, причем весьма разнообразные: древнейшие языческие предания, приметы и обряды не вытеснены молитвами богу Сусе (Иисусу) и уважением к

«русскому богу Никола-матушка», который «живет в большом белом доме» (рассказ «Та сторона»). Вместе с тем конфликт между «старым» и «новым» существует, и его нельзя не замечать. Особенно драматично он отражается на отношениях людей друг к другу («Журавли»). Но пока исконная, патриархальная нравственность сибирского крестьянства оказывается сильней, и герой рассказа, признав свою неправоту, готов венчаться с девушкой: росписи явно недостаточно для того, чтобы их считали законными супругами. Так древний православный обряд возобладал над новым законом, оказался важнее его.

В творчестве и Гоголя, и Шишкова прослеживается глубокий интерес к народному языку. В произведениях писателей воссоздается яркая, образная речевая действительность, в которой формируются необычайно стойкие, но далеко не черствые народные характеры. Изображая изменения, произошедшие в жизни и характерах людей с приходом советской власти, Шишков особое внимание уделяет языку своих героев: чуждые народному языку советизмы зачастую обнажают деструктивное начало личности героев, которое необходимо преодолеть («Журавли»). Не чужда писателю и романтическая ирония. В рассказах Шишкова герои часто употребляют новые слова, искажая и коверкая их, но все же щеголяя ими, – это вызывает добродушную иронию автора.

Романтическая ирония в творчестве Шишкова распространена довольно широко. В рассказе «Таежный волк» Бакланов видит во сне, как он черта «в кишку» надувал, чтоб тот лопнул [8, с. 216], – напомним, у Гоголя мы также можем обнаружить ироническое снижение образа черта. Это вместе с тем не умаляет значения образа черта, «внутреннего двойника», которого должен победить герой [1, с. 37]. Кроме того, хотелось бы обратить внимание на глубоко драматический, но все же не лишенный иронии эпизод рассказа «Алые сугробы», когда в снегах, замерзая, умирает горе-мечтатель, искатель земли обетованной Афоня:

«Сугробы алели.

Афоня подходил к нездешней, райской земле. Он шел по облакам, по тучам.

Пастухи попадались, гнали овец, шерсть на овцах серебряная. “Куда?” “Туда”. А тут медведь с исправником в орлянку бьются. “Поддайся, мишка, я исправник”. И Афоня: “Поддайся”. Глядит: медведь знакомый, – в третьем годе валенки ему, Афоне, подшил. “Маши крыльями, маши!” – кричит орел. “А скоро?” – “Бог даст, к вечеру”.

Поля, поля... Будто все выжжено. Саранчи много на нивы пало, надлетают, ударяют Афоню в лоб. Афонин лоб звенит, как колокол: ба-а-ам. Мир поет: “Радуйся, Афоня, великий чудотво-о-рец”! – “А я ведь земли-то, братцы, не нашел… Сугроб нашел”. Тут его схватили, начали трясти, бить, ругать. “Пустите! Эй, посторонитесь!” – взрявкал медведь.

В это время стало так темно, так одиноко. Кой-где, кой-где огоньки» [8, с. 191].

Этот эпизод, проникнутый высокой драмой человеческой смерти, в то же время смягчает ее, сглаживает. Подобного рода прием мы можем увидеть в финале рассказа Гоголя «Записки сумасшедшего», когда Аксентий Иванович Поприщин летит по небу.

Мир героев Шишкова населен потусторонними существами: лешими, русалками, природными духами. Красивая, обольстительная женщина – обязательно ведьма, знающий человек – колдун. В изображении их также проявилась традиция романтической иронии, освоенная и развитая Гоголем. Например, в рассказе «Жу-

равли» колдун исчезает вместе со своей мельницей на время облавы, а милиционер («милицейский») обращается к колдуну, чтобы тот отыскал барана. Баран не находится, но милиционер не жалуется: вдруг колдун «грыжу напустит» [8, с. 148]. Действует в рассказах Шишкова и черт: и как воплощение внутреннего человеческого несовершенства, порочности («Таежный волк»), и как некая метафизическая сущность, являющаяся героям наяву и во сне. Интересна авторская игра с этим образом. В рассказе «Алые сугробы» Петр со злости говорит: «Хоть бы черт явился!» – и буквально в следующем эпизоде появляется путник, которого герои принимают за дьявола и кличут дьяволом.

Образ черта в ключе романтической иронии снижается, но вера в нечистую силу не ослабевает и с приобщением к советским идеалам. Это особенно заметно в шутейных рассказах, где застарелые суеверия в крестьянской среде изображаются в комическом ключе, однако это не отменяет существование недобрых потусторонних сил. «Большинство рассказов посвящено изображению крестьянства и жизни деревни в новых условиях. К этой теме обращались в эти годы многие писатели: А. Неверов, Л. Леонов, П. Романов, М. Шолохов и другие. Они писали о глубинных процессах народной жизни, высмеивали консервативный быт деревни» [3, с. 11]. Этой тенденции следует и Шишков, но творческое сознание писателя не может принять тотального отрицания тонкого, духовного мира, как того требовала материалистическая и атеистическая эпоха. Так, Тарелкин (шутейный рассказ «Смерть Тарелкина»), объявив себя мертвецом, видит сон, в котором его расстреливают, – и умирает при пробуждении одновременно с как бы еще доносящимися из сна звуками выстрелов.

Что касается близости шутейных рассказов творчеству Гоголя, то здесь следует указать на связь произведений Шишкова с петербургскими повестям и «Мертвыми душами». Портреты недалеких, но неимоверно самовлюбленных купцов в рассказах Шишкова близки образам помещиков, созданных Гоголем (рассказ Шишкова «Портрет»). Кроме того, одним из постоянных мотивов, к которому снова и снова возвращается Шишков в шутейных рассказах, является мотив бессмысленного и даже губительного стяжательства, восходящий к творчеству Гоголя, а также Салтыкова-Щедрина и других русских классиков. В рассказе-исповеди «На травку» крестьянин говорит о том, как грабили имение скопидома-помещика, и его жена тоже заставила ехать – привезти что-нибудь. Мужик попытался завладеть огромным, никому (в том числе и ему самому) не нужным чаном и кусачим помещичьим кобелем и в результате оказался побитым и лишился лошади с телегой. Простая трагикомическая история заставляет задуматься и о непознаваемом русском характере, и о судьбе народа, который может быть охвачен эпидемией бессмысленного накопительства, – мысль писателя, актуальная в современном мире, рассказ-предупреждение. Конец рассказа в целом, как и все шутейные рассказы Шишкова, звучит жизнеутверждающе, и в этом Шишков также сближается с гоголевской традицией в литературе: при справедливом, глубоко критическом освещении действительности оба писателя верили в лучшее будущее своего отечества, в духовную силу русского народа и утверждали это в своих произведениях.

Список литературы

1. Волкова Н. В. Чёрт В. Я. Шишкова в контексте русской литературы (на материале повести «Таежный волк») // Наследие В. Я. Шишкова: феноменология творчества. К 135-летию со дня рождения В. Я. Шишкова / Науч. ред. В. А. Редькин; отв. ред. С. Ю. Николаева. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2010. С. 37– 45.

1. Гоголь Н. В. Пол. собр. соч. : в 14 т. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 556 с.
2. Громова Е. В. «Шутейные» рассказы и пьесы В. Я. Шишкова 1920-х годов (жанровый аспект) : автореф. дис. … канд. филол. н. : 10.01.01 / Е. В. Громова ; Тверской гос. ун-т. Тверь, 2011 г. 24 с.
3. Громова П. С. Романтический дуализм и пространственная организация прозы А. К. Толстого // Мир романтизма : сб. науч. тр. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2009. № 14. С. 210–219.
4. Карандашова О. С. Художественное пространство «украинских» сборников Гоголя. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2005. 116 с.
5. Николаева С. Ю. Традиции В. А. Жуковского и А. С. Пушкина в творческом сознании В. Я. Шишкова (по роману «Ватага») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. Вып. 3. С. 63–72.
6. Редькин В. А. Вячеслав Шишков: новый взгляд. Очерк творчества В. Я. Шишкова. Тверь : Тверское обл. кн.-журн. изд-во, 1999. 151 с.
7. Шишков В. Я. Рассказы. М. : Сов. Россия, 1982. 320 с.

N.V. GOGOL'S TRADITIONS IN THE SMALL PROSE OF V.Y. SHISHKOV

P. S. Gromova

Tver State University
the Department of philological basics of publishing and literary creation

The traditions of classical Russian literature, of N. V. Gogol in particular, are considered in terms of their understanding and creative interpretation by V. Y. Shishkov. The article draws attention to the links of the works of V. Y. Shishkov with Russian romanticism.
Keywords: *Russian prose of the XX century, the tradition of Russian prose, romanticism, N. V. Gogol, V. Y. Shishkov.*

Об авторе:

ГРОМОВА Полина Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

About the author:

GROMOVA Polina Sergeevna – candidate of Philology, lecturer of the Department of philological basics of publishing and literary creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.